АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ

А.С. Комаров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена стратегии автора художественного текста, направленной на субъективизацию позиции читателя по отношению к авторскому высказыванию в процессе виртуального общения между этими двумя субъектами. В ней выделяются два компонента, присутствующие в виртуальном общении автора и читателя: информационно-содержательное наполнение авторского высказывания и позиция читателя в отношении авторского высказывания, содержанием которой могут выступать процессы объективизации авторского высказывания или его субъективизации.

В статье анализируются тематическое, психологическое, эмоциональное пространство авторского высказывания, а также такая его характеристика, как масштабность, утверждается, что на всём информационно-содержательном пространстве авторского высказывания в стратегии автора важными представляются действия по актуализации процесса субъективизации авторского высказывания со стороны читателя. Привлекая внимание читателя к тому или иному пространству своего высказывания, автор постепенно вовлекает его в пространство общения через фокусирование внимания читателя на избранном пространстве. Авторская стратегия предусматривает и моделирование субъективности читателя через моделирование субъективности персонажа.

В статье констатируется, что успешность авторского взаимодействия с читателем зависит от обращения автора к субъективности читателя. При этом измерением успешности взаимодействия выступает готовность читателя расширить, углубить свои представления на каком-либо пространстве авторского высказывания. А признаками проявления успешности выступают возвращение к общению с автором, а также ссылки на повторение, часто не очень осознанное, мест, слов, ситуаций из авторского высказывания.

Ключевые слова: художественный текст, авторская стратегия, субъекты общения, позиция читателя, пространство авторского высказывания, субъективность читателя, объективизация высказывания.

Художественное произведение как продукт творчества автора нуждается в получателе, которым в основном выступает читатель. В результате взаимодействия они потенциально могут вступить в общение друг с другом. Читатель как потребитель литературного продукта вступает во взаимодействие с его создателем в тот момент, когда он берёт в руки книгу, открывает её и начинает читать. Перерастёт ли взаимодействие двух субъектов в художественное общение между ними, зависит от них обоих.

В данной статье мы рассматриваем некоторые аспекты стратегии автора в процессе его виртуального общения с читателем. В нашей попытке рассмотрения художественного общения мы предполагаем, что оно, хотя и является специфическим видом общения, в основе своей мало чем отличается от других видов общения между людьми. Поэтому мы обращаемся к психологии общения, в частности к концепции параллелирования Д.Бюджентала [1], и стараемся применить её основные положения к процессу художественного общения. Опираясь на данную концепцию, мы проанализируем действия, используемые автором в его стратегии взаимодействия со своим потенциальным читателем.

Литературный продукт как знак – это специфический товар, в котором воплощается мысль или «внутреннее слово» автора, непрестанно рождаемое умом, который «является и открывается в мысли своей» [13, с. 372 – 373]. А его создатель есть человек, и, будучи человеком, «не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения: это ему неестественно» [13, с. 346]. Зато естественно ему как реальности, существующей между другими реальностями, «действовать на окружающее и от него принимать действие» [14, с. 674]. Таким образом, вольное (сознаваемое) или невольное (неосознаваемое) действие автора на читателя заложено в самом процессе их общения.

В виртуальном общении автора с читателем присутствуют два фактора: один из них – это контент или информационно-содержательное наполнение авторского высказывания, а другой – позиция читателя в отношении авторского высказывания, содержанием которой могут выступать процессы объективизации авторского высказывания или его субъективизации. Читательская позиция проявляется лично и подвержена влиянию воспитания, социально-общественных установок и стереотипов, понимания норм морали и нравственности. На неё также влияют развитие воображения и умение сопереживать, уровень развития мышления, его ригидность или подвижность и другие психологические процессы.

Процесс объективизации предполагает отстранение авторского высказывания от себя и его обезличивание читателем. Данный процесс можно наблюдать у читателей, которые «объективно», то есть отстранённо, рассматривают ситуацию, не проецируя её на себя. Так, один

18-летний абитуриент после прочтения романа «Котлован» А. Платонова, в котором автор с болью описывает введение коммунизма в сельском хозяйстве, ликвидацию классов «посредством сплава на плоту кулака как класса», «чтоб завтрашний день кулацкий сектор ехал по речке в море и далее...», и оплакивает участь крестьянина-хозяина, который «обнял лошадь за шею и стоял в своём сиротстве, нюхая по памяти пот кобылы, как на пахоте» [11, с.192 – 196], написал: «Какие дураки! Посадили раскулаченных на плот и отправили в море. Они же могут причалить к берегу, выйти и спастись. Надо было посадить вместе с ними конвой, который не дал бы им причалить» [2, с. 35].

Процесс субъективизации предполагает личностное принятие читателем авторского высказывания. Данный процесс наблюдается у читателей, которые внутренне вовлекаются в авторское высказывание полностью или частично. В частности, данный процесс предполагает и сопротивление со стороны читателя авторской позиции, которое характеризуется при вовлечении читательской субъективности отстаиванием своего способа жизни, своей личности и т.д. Читатель может полностью или частично внутренне принимать авторское высказывание, а также, не принимая его полностью или частично, вступать с ним в полемический диалог.

Данная читательская позиция явно проявляется в следующем монологе о рассказе М. Горького «Макар Чудра» (приводится с некоторыми сокращениями): «В этом рассказе встречается гордая красавица-цыганка Рада и такой же гордый, красивый и смелый Лойко Зобар. Лойко любил девушку, да и она его тоже. Но её гордость оказалась сильнее любви, и Рада стала издеваться над юношей, унижать его при всех, выставляя цыгана с его любовью на всеобщее посмешище... И тут становится непонятно: почему же так странно проявляется её гордость? Гордость – благородство, самоуважение, достоинство. Эти качества несовместимы со стремлением обидеть, унижить другого человека, которое скорее говорит об озлобленности, ущербности, душевной низости. Почему же Горький приписывает эти качества красивой девушке и откровенно любит её? Почему называет недостойное поведение цыганки гордостью? Рада соглашается стать женою Лойко только в том случае, если он подвергнет себя неслыханному публичному унижению. И когда все собираются посмотреть на это, Лойко наносит ей удар в сердце ножом: ведь он тоже был гордый. Как к этому отнестись? Было ли когда-нибудь что-то похожее? Было. В пушкинских «Цыганах» Алеко убивает Земфиру, в новелле Проспера Мериме и в опере Жоржа Бизе погибает свободолюбивая Кармен. Но бесстрашная Земфира и гордая Кармен умирают, защищая свою свободу и любовь. И ни Пушкин, ни Мериме не романтизируют убийцу. А во имя чего умирает Рада, которая шла к трагедии сознательно? Во имя права унижать и оскорблять

любящего и любимого человека? И в этом – гордость и красота? Ну а убийца – красавец Лойко? Память подсказывает другой пример. Можно ли себе представить, допустим, героя Дюма, который ударил бы шпагой безоружного человека? И финал рассказа: отец убитой Рады отвечает ударом на удар – вонзает нож в спину Лойко. Смерть за смерть – в этом есть своя жестокая справедливость. Но удар ножом в спину всегда был символом трусливой и подлой жестокости, а не справедливого суда. Так какую же романтику нашёл Горький в кровавой развязке своего рассказа?» [2, с. 41 – 142].

Процессы объективизации и субъективизации действуют на всём информационно-содержательном пространстве авторского высказывания. И в стратегии автора важными представляются действия по актуализации процесса субъективизации авторского высказывания со стороны читателя, который захочет по приглашению автора «сопутствовать ему в его странствованиях – в его изысканиях» [15, с. 352]. Итак, рассматривая информационно-содержательное пространство авторского высказывания, мы выделяем следующие присутствующие в нём элементы: тематика, чувства, эмоции и переживания, широта и глубина охвата темы или проблемы, внутренний мир человека и взаимоотношения между людьми. А теперь перейдем к анализу данного пространства и действий автора внутри него.

Тематическое пространство процесса общения

На тематическом пространстве авторского высказывания его содержание можно представить как определённое развитие темы высказывания или движение от темы к теме. Совпадение тем в общении автора и читателя происходит, когда оба собеседника участвуют в одной тематической цепочке высказываний, в которой имеется общий для них предмет разговора. В процессе общения не всегда совпадают высказывания собеседников, может присутствовать нежелание читателя соглашаться с автором, но не изменяется основной предмет разговора при стремлении первого оставаться на предложенной последним теме. Данное стремление читателя не уходить с предложенной автором темы может базироваться на его любви и доверии к автору, интересе и увлечённости темой, попытках подстроиться под автора, поспорить с ним и т.д.

Внутри тематического континуума также может осуществляться развитие темы или отклонение от неё. При развитии авторской темы читатель привносит некоторые дополнительные, возможно личностные, высказывания, которые связаны и не выходят за пределы темы высказывания автора. Отклонение от темы может представлять собой более сильный вариант её развития, когда читатель с помощью предложенной темы выходит на новую тему, связанную с предложенной лишь косвенно, формаль-

но или частично. Заинтересованным читателем, вовлечённым в данное пространство, на наш взгляд, может выступить, например, другой автор. Нами выше упомянутый А. Платонов писал: «Критика, в сущности, есть дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, «основным» автором. Она есть «довыработка» недр, дальнейшее совершенствование мыслей автора» [12, с. 693].

Интересным в этом плане представляется участие авторов в процессе общения, растянувшимся на века. Так, тема «идеальное государство» стала одной из основных тем утопического романа. Мы имеем прекрасную возможность наблюдать, как Т. Мор в «Утопии» (вышла в 1516 г.) и Т. Кампанелла в «Городе Солнца» (написана в 1602 г., а впервые опубликована в 1623 г.) преобразовывают утопию Платона (427 – 347 гг. до н.э.), разработанную им в «Государстве». Идеи «Утопии» Т. Мора подхватываются Ф. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» (1533 г.), а мысли Ф. Бекона (1561 – 1626 гг.), высказанные им в 1605 г., проникают в драму Шекспира «Буря» (1611 г.). По своему развил тему в своём научно-фантастическом романе «Иной свет, или Государства и империи Луны» (написан в 1647 – 1650 гг., впервые опубликован в 1657 г.) Сирано де Бержерак (1619 – 1655 гг.). А Д. Свифт продолжил её в «Путешествиях Лемюэля Гулливера» (1726 г.). Впрямую указывает на родство своего приключенческого романа-утопии «История сэварамбов» (1675 – 1679 гг.) с утопиями Платона, Мора и Бэкона Д. Верас (1630 – 1700 гг.). Думаю, что при желании можно проследить общение с этими авторами их читателей на данном пространстве вплоть до сегодняшнего дня.

Следует отметить, что процесс общения между автором и читателем нарушается при нахождении читателя вне авторского тематического пространства. Это происходит в случае участия обоих собеседников в непересекающихся тематических цепочках, то есть когда читатель фокусирует своё внимание на своём высказывании. Нарушение общения происходит при отклонении от темы или её смене, которые представляют собой попытку ухода от предложенной темы как нежелательной, опасной, не представляющей интереса, скучной, несвоевременной и т.д.

Ситуация нахождения читателя вне авторского высказывания особенно ярко проявляется в стремлении читателя внедрить свою тему в авторскую. Так, некие читатели «Детства» и «Отрочества» Л.Н. Толстого очень недоумевали по поводу того, что в этих произведениях «нет на первом плане какой-нибудь прекрасной девушки лет восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась в какого-нибудь тоже прекрасного юношу», а также не выставлены картины общественной жизни [16, с. 164 – 165]. На данные замечания в адрес писателя критик резонно замечает: «Да мало ли и другого чего он не выставил в этих повестях? В них

нет ни военных сцен, ни картин итальянской природы, ни исторических воспоминаний, нет вообще много такого, что можно было бы, но неуместно и не должно было бы рассказывать». И задаёт таким читателям вопрос, отсылая их к авторскому высказыванию и его теме: «Помните ли вы эту чудесную фигуру девушки, сидящей у окна ночью, помните ли, как бьётся её сердце, как сладко томится её грудь предчувствием любви?» [16, с. 165 – 166]. И далее он делает следующее заключение: «Граф Толстой обладает истинным талантом. Это значит, что его произведения художественны, то есть в каждом из них очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении. Никогда не говорит он ничего лишнего, потому что это было бы противно условиям художественности, никогда не безобразит он свои произведения примесью сцен и фигур, чуждых идее произведения. Именно в этом и состоит одно из главных требований художественности» [16, с.166].

Таким образом, фокусирование темы своего высказывания является одним из действий в авторской стратегии, направленным на взаимодействие со своим потенциальным читателем. А вовлечение читателя в тематическое пространство авторского высказывания свидетельствует о создании условий для актуализации субъектности читателя и общения с ним.

Эмоциональное пространство процесса общения

В процессе общения важна не только тема разговора, но и какие чувства, эмоции и переживания сопровождают её. И здесь автор в содержании своего высказывания «вербализует» обширную сферу невербальных проявлений субъекта, его переживания. Тематическое и эмоциональное пространство процесса общения взаимосвязаны, дополняют друг друга и часто не могут быть поняты адекватно в отрыве друг от друга. Тем не менее эмоциональное пространство имеет свою отдельную ценность. Для автора важным представляется установить и сбалансировать связь эмоций с тематикой своего высказывания.

Если читатель придаёт чувствам такое же значение, которое им придаёт автор, то можно говорить о нахождении двух субъектов в одном и том же эмоциональном пространстве. При этом в общении автора и читателя эмоциональные проявления могут совпадать, а могут и не совпадать, читатель может придавать вербализованным чувствам большее или меньшее значение, однако они должны присутствовать в той или иной степени. Самое главное для автора – это отклик читателя и поддержание его внутренней активности в пределах данного пространства общения. Одним из действий в стратегии автора внутри эмоционального континуума является фокусирование выражения чувства. Фокусирование выражения чувства предпола-

ет изменение пропорции между выраженными в высказывании чувствами и мыслями в пользу чувств. Изменением пропорции в пользу эмоционального пространства высказывания автор предлагает читателю задержаться и уделить больше внимания эмоциям. В цепочке высказываний происходит осознание читателем значения чувств, которое он сам придаёт им, смысла собственных переживаний, своего подлинного отношения к ним.

В этом плане показательны чувства и эмоции двух читателей к герою романа И.А. Гончарова «Обломов» – Илье Ильичу Обломову. Один из них – Н.А. Добролюбов [3], а второй – А.В. Дружинин [4]. Следует заметить, что оба критика отмечают тонкий и глубокий психологический анализ, пронизывающий весь роман, при отсутствии действия, внешних событий и препятствий, что «утомляет безучастного читателя» [3, с. 245]. Что касается Н.А. Добролюбова, то он творит «суд беспощадный» над И.И. Обломовым, который, по его мнению, «противен в своей ничтожности», погружается в ничтожество, несёт на себе печать «бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете». На наш взгляд, у критика налицо дисбаланс между эмоциональным и тематическим пространством общения с главным персонажем. Данный дисбаланс носит идейно-личностный характер. Будучи вовлечённым в тематическое пространство авторского высказывания, молодой критик определяет его словом «обломовщина». Для него актуальность темы, как нам представляется, важнее личности конкретного человека в конкретных обстоятельствах его жизни. Недаром он сваливает в кучу с ярлыком «тип» и «обломовцы» таких персонажей, как Обломов, Онегин, Печорин, Рудин, Бельтов, Тентетников и, сравнивая их, каждый раз восклицает: «Везде всё одна и та же обломовщина» [3, с. 254].

При этом он, будучи равнодушен, не замечает односторонности своей трактовки смысла тех или иных действий персонажей: не служат, не оканчивают начатых сочинений, не дочитывают книг, не женятся, не любят людей с их мелким трудом, узкими понятиями и близорукими стремлениями. И делает вывод: к безделью более склонены, чем к делу. А ведь, если присмотреться, то в отношении службы некоторых «обломовцев» объединяет не лень, а грибоедовское «служить бы рад – прислуживаться тошно». В частности, Обломов подал в отставку, так как ему не нравилось, что с начальником все говорили не своим, а каким-то тоненьким и гадким голосом.

Более того, эмоциональное пространство критика явно не совпадает с эмоциональным пространством автора, который любит своего героя за его честное, верное сердце, которое дороже всякого ума, за чистую, светлую, хрустальную, прозрачную душу, умение плакать над бедствиями человечества, испытывать страдание и тоску, стремление куда-то вдаль, что не чуждо и многим из нас. Однако такое отношение

автора к своему герою рождает агрессивность со стороны критика, которая выливается в обвинение автора в большой неправде, а также в несправедливости [3, с.271 – 273].

Совсем иначе эмоциональное пространство авторского высказывания захватывает А.В. Дружинина. Он явно на одной эмоциональной волне с автором. Для него Илья Ильич незлобивый, неопытный, мечтательный чудак, отделившийся от окружающего его мира, мирно укрывшийся от столкновений с практической жизнью, не кидаящий своей нравственной дремоты за мир волнений, к которым он неспособен, за которого мы мучимся и «озаряемся радостью в те минуты, когда в его обломовском, запылённом гнезде, при отчаянном лае скачущей на цепи собаки, вдруг является неожиданное видение доброго ангела» [4, с. 230].

Для А.В. Дружинина Обломов – «ребёнок, а не дрянной развратник, он соня, а не безнравственный эгоист или эпикуреец времён распада. Он бессилён на добро, но он положительно неспособен к злему делу, чист духом, не извращён житейскими софизмами и, несмотря на всю свою жизненную бесполезность, законно завладевает симпатией всех окружающих его лиц, по-видимому отделённых от него целою бездною» [4, с. 234]. Критик добродушно посмеивается над главным героем и одновременно им овладевает грусть, волнение, горькое сожаление к слабому, которое заканчивается словами: «Нехорошо той земле, где нет добрых и неспособных на зло чудачков вроде Обломова!» [4, с. 233].

Таковы два отклика двух читателей одного произведения. Читателей, без сомнения увлечённых авторским высказыванием, но по-разному эмоционально переживающих его. Таким образом, с помощью фокусирования автором выражения чувств и эмоций читатель вовлекается в эмоциональное пространство общения. Данное действие в авторской стратегии по вовлечению читателя в эмоциональное пространство авторского высказывания приводит к процессу актуализации эмоций читателя и его участию в художественном общении с автором.

Масштабность процесса общения

В каждый момент общения субъекты могут смотреть на тему или проблему с разной степенью широты её обобщения. Автор представляет читателю своё высказывание, которое может отличаться высокой степенью обобщения/абстрактности или детализации/конкретности. В первом случае он смотрит на проблему, не вдаваясь в подробности, а во втором – всматривается в них. Вовлечению читателя в общение с автором способствует детализация абстрактных переживаний и впечатлений и движение от более общего взгляда к более частному, что характерно для искусства в целом, которое «выражает идею не отвлечёнными понятиями, а живым индивидуальным фактом» [17, с. 39].

Интересными в этом плане представляются размышления А.В.Дружинина о детали в искусстве фламандских мастеров: «Или для праздной потехи всякие художники, нами вспомнутые, громадили на своё полотно множество мелких деталей? Или по бедности воображения они тратили жар целого творческого часа над какой-нибудь травкой, луковицей, болотной кочкой, на которую падает луч заката, кружевным воротничком на камзоле тучного бургомистра? Если так, то отчего же они велики, почему они поэтичны, почему детали их созданий слиты с целостью впечатления, не могут быть оторваны от идеи картины? Как же произошло, что эти истинные художники, так зоркие на поэзию, до такой степени осветившие, опоэтизировавшие жизнь своего родного края, бросились в мелочи, сидели над подробностями? Видно, в названных нами мелочах и подробностях таилось нечто большее, чем о том думает иной близорукий составитель хитрых теорий. Видно, труд над деталями был необходим и важен для уловления тех высших задач искусства, на которых все зиждется, от которых все питается и вырастает. Видно, творя малую частность, художник недаром отдавался ей всей душой своей, и, должно быть, творческий дух его отражался во всякой подробности мощного произведения, так как солнце отражается в малой капле воды...» [4, с. 226 – 227].

Попытки выразить свой взгляд на время и течение жизни в нём, стремление проникнуть в загадку скоротечности бытия и жестокости всё поглощающего времени, вечности вселенской и мгновенности человеческой жизни тревожат и завораживают умы многих поколений писателей. Многие из них стараются уловить и передать «Шум времени» (О. Мандельштам), многие, напрягая свою душу, рассказать всё время забываемую тайну жизни и чувствовать сущность (А.Платонов). В наблюдаемые ими универсалии бытия читатель вовлекается через судьбы героев и героинь, часто складывающиеся из мелких, незначительных подробностей и деталей их частного существования.

Однако насыщение авторского высказывания деталями может как указывать, так и не указывать на его масштабность. И здесь степень широты обобщения темы зависит от читательского взгляда на неё. Одним из путей развития традиции плутовского романа «связан был чаще всего с насыщением его «ужасными» деталями» из уголовно-криминальной хроники [7, с. 372]. Так как детективные элементы, описание убийств, изображение казней и ужасных происшествий необязательно несут на себе обобщение разного характера, то мы можем наблюдать противоположные подходы двух читателей к масштабности темы в одном и том же произведении.

Например, Ю.М. Лотман, анализируя цикл анонимных произведений о Ваньке Каине и одноимённый роман М. Комарова, делает вы-

вод о том, что его эпизоды удовлетворяли «потребность невзыскательного читателя в захватывающем сюжетном интересе», «объективно отвлекали от размышлений над причинами общественного зла», что автор «даёт читателю занимательное чтение, стремясь уловить те эстетические формы, которые наиболее соответствовали бы вкусу его аудитории» [7, с. 372 – 373]. В то время как В.Б. Шкловский, анализируя тот же роман, отмечает, что автор «пытается ударить не по Ваньке Каину, а по строю, который его создал, по крепостному праву, по приказным, по духовенству» [7, с. 373]. Таким образом, важным действием в стратегии автора на данном направлении является показывать тему и обобщённо, и детально, так как одного способа (или в целом, или в деталях) бывает явно недостаточно, чтобы для читателя появился смысл авторского высказывания. Именно на пересечении обоих способов рассмотрения проблемы читатель может уловить и значение сообщаемой ему информации, и её место в его жизни.

Психологическое пространство процесса общения

Внутренний мир человека и его взаимоотношения с людьми являются важными составляющими в содержании авторского высказывания, на которые он направляет внимание читателя. Психологическое пространство авторского высказывания появилось при интересе к судьбе персонажей и проявилось сначала в искусстве «психологической мотивировки», которая постепенно превратилась в «самодовлеющее искусство» [9, с. 167]. Это искусство раскрывать перед читателем тайны «человеческого сердца» внутренне присуще каждому «из тех писателей, творения которых с удивлением перечитываются нами» [16, с. 161].

Естественно, что мощнейшим ресурсом в стратегии автора, который задействуется на данном пространстве, особенно при зарождении контакта с читателем, являются персонажи. Через поведение персонажей, их жизненный опыт в сложных ситуациях общения читатель отмечает важные, в том числе и лично для себя, моменты в отношениях между людьми, осмысливает или переосмысливает, расширяет или уточняет их. Персонаж для читателя может выступить источником субъективизации авторского высказывания. Однако следует отметить, что читатель также может просто не замечать наличие данного пространства в авторском высказывании.

Так, Ю.М. Лотман при анализе восприятия двадцатилетним мастеровым повести «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина обратил внимание на то, что такие важные для повести аспекты авторского замысла, как существенность психологического конфликта («добрый, но слабый и развращённый юноша и любовь чистой девушки»), значительность сюжета, определяемого развитием «внутренней жизни героев», внешние поступки которых важны как знаки их жизни

сердца, выпадают из поля зрения читателя, который воспринимает сюжет повести «как доминирующий элемент повествования». В восприятии читателя рассказ о повести ограничивается тем, что в озере, где он только что искупался, лет за 18 утонула прекрасная Лиза, девушка, которая торговала цветами и носила их в город из деревни.

Вот как он передаёт случившееся: «Один раз встренься с нею барин. Продай-де, девушка, цветы! Да даёт ей рубль. А она, баёт, не надо-де мне. Я продаю по алтыну. Ну! Он спросил, то есть, где она живёт, да ходил к ней; потом он, то есть, много истряс с нею сум<м>, то есть, дак и вздумал жениться! – она с тоски да и бросилась в воду... Да нет, лих, не то ещё! ... Он ей и дал, знаешь, ты, на дорогу 10 червонных, то есть; она пошла, да и встренься ей её подружка. Она, то есть, ей деньги и отдала: на-де, ты, девять-то отнеси матушке, а десятой возьми себе. – Ну, то есть, пришла сюда, разделась да и бросилась в воду!...» [8, с. 616 – 617].

В данном случае мы видим, что читатель находится вне психологического пространства общения с автором. Он, если так можно выразиться, «завис» внутри тематического содержания авторского высказывания. Ю.М. Лотман причину восприятия мастеровым повести, резко отличающимся от авторского замысла, видит в сюжетном художественном мышлении мастерового, не воспринимающего жанровую систему карамзинской повести [8, с. 618]. Однако к этому объяснению следует, по нашему мнению, добавить, что игнорирование психологического пространства может быть вызвано и тем, что читатель объективирует авторское высказывание. В этом определённую роль сыграл сам автор, который подчёркивал невыдуманность истории. Также объективизация авторского высказывания читателем могла быть вызвана тем, что для самого писателя его персонажи являются объектами, с помощью которых он пишет «портрет души и сердца своего» [7, с. 385].

Следовательно, основным действием в стратегии автора на данном пространстве, на наш взгляд, является превращение объектного пространства художественного текста в субъектное, то есть превращение его из одномерно-авторского (автор – субъект; персонаж – объект) в многомерно-персонажное (автор – субъект; персонаж – субъект). Данное превращение предполагает вступление автора в субъектно-субъектные отношения с персонажем. Ведь отношение автора к персонажу как объекту приводит к потере в авторском высказывании существования другого сознания, что обедняет и ограничивает пространство общения с читателем. Более того, усиливается момент манипулирования читателем в нужном автору направлении, что также превращает читателя в объект [5, 6]. Таким образом, многомерность субъектного пространства авторского высказывания насыщает психологическое пространство общения между автором и читателем, обогащает его и поддержи-

ваит интерес читателя не только к авторскому и своему «я», но и к другим «я».

Рассмотрев информационно-содержательное наполнение авторского высказывания и позицию читателя к нему в процессе художественного общения, а также некоторые действия автора в его виртуальном общении с читателем, мы можем подвести некоторый итог в наших наблюдениях, выделив в них следующие моменты. Стратегия автора по вовлечению читателя в процесс художественного общения предусматривает субъективизацию позиции читателя по отношению к авторскому высказыванию.

Она направлена на предоставление права самому читателю выбирать информационно-содержательное пространство авторского высказывания, на котором он сосредотачивает своё внимание. Читатель при этом концентрируется на том информационно-содержательном наполнении авторского высказывания, которое волнует и затрагивает его внутренние переживания, чувства и мысли в данный момент общения. В связи с субъективизацией позиции читателя на одном или нескольких информационно-содержательных пространствах общения с автором другие могут им не замечаться или игнорироваться.

Привлекая внимание читателя к тому или иному пространству своего высказывания, автор постепенно вовлекает его в пространство общения через фокусирование внимания читателя на избранном пространстве. Фокусирование внимания предусматривает постепенное развёртывание перед читателем имплицитного содержания авторского высказывания, которое предусматривает описание или обсуждение сначала более очевидных и достаточно ярких моментов и постепенное углубление и переход к менее очевидному для читателя содержанию вопроса. На данном направлении авторской стратегии возможен и выход в другое, не замечаемое или игнорируемое ранее читателем, пространство общения, например выход за рамки тематического и вход в психологическое пространство процесса общения.

Сосредоточенность автора на удержании в центре внимания читателя того или иного вопроса, темы или проблемы в течение достаточного времени повышает шансы выйти на достаточную глубину их обсуждения и осознания. И наоборот, частая смена тематики авторского высказывания мешает достижению необходимой концентрации и вовлечённости в общение. Авторская стратегия предусматривает и моделирование субъективности читателя через моделирование субъективности персонажа, которая проявляется вербально в некоторых речевых характеристиках его высказываний, например в проговаривании чувств и переживаний, в большей конкретности и меньшей абстрактности их презентации.

В целом можно констатировать, что взаимодействие между автором и читателем зависит как от самого читателя, так и от автора, а успешность этого взаимодействия от обращения автора к субъективности читателя. При этом измерением успешности взаимодействия может выступить готовность читателя расширить, углубить свои представления по тому или иному затрагиваемому вопросу. А признаками проявления успешности могут выступить возвращение к общению с автором, возвращение к уже прочитанному, возвращение к теме или переживанию, а также ссылки на повторение, часто не очень осознанное, мест, слов, ситуаций из авторского высказывания.

В заключение мне хотелось привести пример выдающегося по своей успешности общения читателя с автором, в котором раскрывается его механизм: «Я принадлежу к тем читателям Шопенгауэра, которые, прочитав одну его страницу, вполне уверены, что они прочитают всё, написанное им, и будут слушать каждое сказанное им слово. У меня сразу явилось доверие к нему, и это доверие теперь таково же, каким было девять лет назад. Выражаясь нескромно и нелепо, я скажу: я понял его, как будто он писал для меня» [10, с. 56].

Список литературы

1. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. Уроки Джеймса Бюджентала. М.: Смысл, 2001. 91с.
2. Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Дорога к книге (Психологи – учителям литературы). М.: НПО «Образование», 1996. 128 с.
3. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? //Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. С. 240-277.
4. Дружинин А.В. «Обломов», роман И.А. Гончарова //Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. С. 222-237.
5. Комаров А.С. Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста. Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. М., 2012. №5 (26). С. 215-220.
6. Комаров А.С. Автор и персонаж в субъект-субъектном пространстве художественной прозы. Филологические науки в МГИМО: Сб.науч.трудов. М., 2012. № 48 (63). С. 176-185.
7. Лотман Ю.М. Пути развития русской прозы 1800-1810-х гг. //Карамзин. С.-Петербург, Искусство – СПб, 1997. С. 349-417.

8. Лотман Ю.М. Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина (К структуре массового сознания XVIII в.) // Карамзин. С.-Петербург, Искусство – СПб, 1997. С. 616-620.
9. Мандельштам О.Э. Конец романа // Сочинения. В 2 т. Т. 2. Проза. Тула: Филин, 1994. С. 167-170.
10. Ницше Ф. Шопенгауэр как воспитатель // Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 47-124.
11. Платонов А.П. Котлован // Государственный житель: Проза, ранние соч., письма. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 121-229.
12. Платонов А.П. Труд есть совесть. Из записных книжек разных лет // Государственный житель: Проза, ранние соч., письма. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 692-701.
13. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке // Собрание сочинений. Т. 3. М.: Ковчег, 2006. С. 340-404.
14. Святитель Феофан Затворник. Душа и ангел – не тело, а дух // Святитель Игнатий Брянчанинов. Творения: Слово о смерти. М.: Лепта, 2002. С. 553-695.
15. Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. С. 352-369.
16. Чернышевский Н.Г. «Детство» и «Отрочество», «Военные рассказы» графа Л.Н. Толстого // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. С. 156-166.
17. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М.: Детская литература, 1989. С. 33-50.

Об авторе

Комаров Александр Сергеевич – к.филол.н., доцент, кафедра английского языка № 7 МГИМО(У) МИД России. Email: komarov59@mail.ru

WRITER'S STRATEGIES IN THE INTERCOURSE WITH THE READER IN BELLES-LETTRES

A.S. Komarov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article is devoted to some strategies aimed at involving the reader into the writer's book by means of making the reader's attitude to its content personal or subjective.*

In the article it is stated that there are two components which are intrinsic to virtual intercourse between writer and reader. One of the components is the content of the writer's publication while the other is the reader's attitude towards the content suggested.

The article shows that the reader's attitude encompasses two processes: the process of self-estrangement from the writer's content and the process of self-involvement into it. In the article, the author analyses these two processes in relation to the content of the book.

In the article, the author singles out and gives descriptions of such dimensions of the book's content as its topical and emotional dimension, its depth, human nature dimension and interpersonal relations dimension as well as of strategies used by the writer in order to involve the reader into his writings.

The author argues that a successful strategy is based on managing to touch the reader to the quick, i.e. his or her subjectivity, and the result of successfulness can be measured by the reader's readiness and willingness to sink into one of the dimensions suggested.

The author of the article comes to the conclusion that signs of the successful strategy can be traced in the reader's return to the intercourse with the writer when he or she rereads the writer's books, repeats or makes references to words, situations or ideas suggested or described by the writer who has grasped the reader's attention in one or several content dimensions.

Key words: a belles-lettres text, writer's strategy, intercourse between writer and reader, the reader's self-estrangement, the reader's self-involvement, content dimensions.

References

1. Bratchenko, S.L. *Ehkzistentsial'naya Psikhologiya Glubinnogo Obshheniya. Uroki Dzheyma Byudzhentala* [Existential Communication Psychology. James Bugental's Lessons]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 91 p. (In Russian)

2. Granik, G.G., Bondarenko, S.M., Kontsevaya, L. A. Doroga k Knige (Psikhologi – uchitelyam literatury) [A Way to Reading. Psychologists to Literature Teachers]. Moscow, NPO «Obrazovanie» Publ., 1996. 128 p. (In Russian)
3. Dobrolyubov, N.A. Chto takoe oblomovshchina? [Who is Oblomov?]. In Russkaya kritika ehpokhi Chernyshevskogo i Dobrolyubova: Sbornik statej [Criticism in Russia in the Times of Chernyshevskij and Dobrolyubov: A Collection of Articles], Moscow, Detskaya literature Publ., 1989, pp. 240-277. (In Russian)
4. Druzhinin, A.V. «Oblomov», Roman I.A. Goncharova [Oblomov, a novel by I.A. Goncharov], Russkaya kritika ehpokhi Chernyshevskogo i Dobrolyubova: Sbornik statej [Criticism in Russia in the Times of Chernyshevskij and Dobrolyubov: A Collection of Articles], Moscow, Detskaya literature Publ., 1989, pp. 222-237. (In Russian)
5. Komarov, A.S. Interpersonal Communication of Writer, Character and Reader in Belles-Lettres. In Journal of MGIMO-University, 2012, no.5 (26), pp. 215-220 (in Russian)
6. Komarov, A.S. Avtor i Personazh v Subekt-subektnom Prostranstve Khudozhestvennoj Prozy [Writer and Reader as Subjects in Belles-Lettres]. – Filologicheskie Nauki v MGIMO: Sbornik nauchnykh Trudov [Journal of Filology at MGIMO: A Collection of Scientific Publications], 2012, no. 48 (63), pp. 176-185. (In Russian)
7. Lotman, Y.M., Puti Razvitiya Russkoj Prozy 1800-1810-kh gg [Paths of Russian Prose Development in 1800-1810s]. In Karamzin [Karamsin], St. Petersburg, Iskusstvo-StPb Publ., 1997, pp. 349-417. (In Russian)
8. Lotman, Y.M. Ob Odnom Chitatel'skom vospriyatii «Bednoj Lizy» N.M. Karamzina (K Strukture Massovogo Soznaniya XVIII v.) [About the Reader's Perception of 'Poor Liza' by N.M. Karamzin. About the Structure of Mass Thinking in 18 century]. In Karamzin [Karamsin], St. Petersburg, Iskusstvo-StPb Publ. 1997, pp. 616-620. (In Russian)
9. Mandel'shtam, O.Eh., Konets Romana [End of Novel]. In Sochineniya. V 2 Tomakh. T. 2. Proza. Sost. O. Dorofeeva [Works in 2 Volumes. Volume 2. Prose. Compiled by O. Dorofeeva], Tula, Filin Publ. 1994, pp. 167-170. (In Russian)
10. Nitsshe, F. Shopengauehr kak vospitatel' [Shopengauer as Teacher]. In Izbrannye Proizvedeniya [Selected Works], Moscow, Prosveshchenie Publ. 1993, pp. 47-124. (In Russian)
11. Platonov, A.P. Kotlovan [Foundation Pit]. In Gosudarstvennyj Zhitel': Prosa, rannie soch., pis'ma [State's Inhabitant: Prose, early works, letters], Minsk, Mastazkaya Litaratura Publ., 1990, pp. 121-229. (In Russian)
12. Platonov, A.P., Trud est' sovest'. Iz Zapisnykh Knizhek Raznykh Let [Work is Conscience. From Diaries of Different Years]. In Gosudarstvennyj Zhitel': Prosa, rannie soch., pis'ma [State's Inhabitant: Prose, early works, letters], Minsk, Mastazkaya Litaratura Publ., 1990, pp. 692-701.
13. Svyatitel' Ignatij (Bryanchaninov). Slovo o Cheloveke [About Man]. In Sobranie Sochineniy. Tom 3 [Selected Works. Volume 3], Moscow, Kovcheg. 2006, pp. 340-404. (In Russian)
14. Svyatitel' Feofan Zatvornik. Dusha i Angel – ne telo, a dukh [Soul and Angel are not Flesh but Holy Spirit]. In Svyatitel' Ignatij Bryanchaninov. Tvoreniya: Slovo o Smerti [Works: About Death], Moscow, Lepta Publ. 2002, pp. 553-695. (In Russian)
15. Turgenev, I.S. Gamlet i Don Kikhot [Hamlet and Quixote]. In Russkaya kritika ehpokhi Chernyshevskogo i Dobrolyubova: Sbornik statej [Criticism in Russia in the Times of Chernyshevskij and Dobrolyubov: A Collection of Articles], Moscow, Detskaya literature Publ., 1989, pp. 352-369. (In Russian)
16. Chernyshevskij, N.G. «Detstvo» i «Otrochestvo», «Voennye Rasskazy» grafa L.N. Tolstogo [Childhood and Adolescence, Stories about War by Leo Tolstoy]. In Russkaya kritika ehpokhi Chernyshevskogo i Dobrolyubova: Sbornik statej [Criticism in Russia in the Times of Chernyshevskij and Dobrolyubov: A Collection of Articles], Moscow, Detskaya literature Publ. 1989, pp. 156-166. (In Russian)
17. Chernyshevskij, N.G. Ehsteticheskie Otnosheniya Iskustva k Deystvitel'nosti [Aesthetic Ties of Art to Reality], Russkaya kritika ehpokhi Chernyshevskogo i Dobrolyubova: Sbornik statej [Criticism in Russia in the Times of Chernyshevskij and Dobrolyubov: A Collection of Articles], Moscow, Detskaya literature Publ., 1989, pp. 33-50.

About the author

Alexander S. Komarov – PhD in Linguistics and Narratology, 7 English Language Department, MGIMO – University. E-mail: komarov59@mail.ru